

БИТВА ПРИ МАЛЬПЛАКЕ 11 сентября 1709 года

В европейских войнах начала века Просвещения войне за испанское наследство (1701–1714) и Северной войне (1700–1721), представлявших, по сути, единый общеевропейский конфликт, перелом пришелся на 1709 г. Он был во многом определен, прежде всего, сражением под Полтавой 27 июня, а затем и битвой при Мальплаке 11 сентября.

Прелюдия сражения при Мальплаке была такова. К концу 1708 г., когда противники в войне за испанское наследство – Великий союз (Англия, Голландия и Священная Римская империя), с одной стороны, и Франция, с другой, – собрали большие армии для новой кампании во Фландрии, взялись за работу и дипломаты. Уже с 1706 г., после поражений у Рамильи и Турина, французский король Людовик XIV хотел заключить приемлемый и почетный мир. После поражения его армии у Оденарде в 1708 г. переговоры о мире стали более интенсивными, но они проходили вяло, то и дело прерываясь военными операциями. Гаага твердо намеревалась отстаивать свой барьер из крепостей в Нидерландах, Вена жаждала получить Испанию для Габсбургской династии, а Лондон желал торговых привилегий, признания за Британией протестантского престолонаследия и изгнания Якова III Стюарта – претендента на английский трон – из Франции¹. Никто не желал идти на уступки Версалю.

Положение усугубила суровая зима 1708/1709 гг. Из-за нее были прерваны все военные действия в Европе вплоть до середины марта 1709 г. “Невозможно выразить, как я страдал от исключительно холодной погоды по пути из Брюсселя в Гаагу. Путь занял 5 дней, тогда как в другое время его можно было совершить за 2 дня”, – жаловался английский полководец герцог Джон Мальборо своей супруге Саре в середине января 1709 г.²

Но самые сильные холода были во Франции. Мороз достигал 20 градусов. “Этот холод, – писала Лизелотта, герцогиня Орлеанская, своей тете Софии, курфюрстине Ганноверской, – столь ужасающ, что слова замерзают у меня на языке. Я сижу напротив яркого огня, моя шея закутана в меховую накидку, на моих ногах медвежья шкура, а я все равно трясусь от холода”³. Вино замерзло в бочках и превращалось в лед. Когда гвардейцы в Версале стали один за другим умирать от холода на посту, король приказал сократить их дежурство до 15 минут. Все парижские лавки закрылись через 5 дней после наступления такого мороза. Богатые мерзли, а бедные погибали. Жизнь столицы королевства временно приостановилась. Даже Парижский парламент, который собирался с завидной регулярностью, был вынужден уйти на каникулы. Новости из деревень почти не приходили; дороги находились в жалком состоянии. В Париже каждое утро убирали трупы замерзших людей.

Мирные переговоры в Гааге в мае–июне 1709 г., где Франции были представлены как ультиматум унижительные “Прелиминарии” (т.е. предварительные условия мира)

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета.

¹ Reese W. Das Ringen um Frieden und Sicherheit in den Entscheidungsjahren des Spanischen Erbfolgekrieg 1708 bis 1709. München, 1933, s. 3–8; Louis XIV and Europe. London – New York, 1976, p. 265–268; Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque Moderne XVI–XVIII siècle. Paris, 2001, p. 234–240.

² The Marlborough-Godolphin Correspondence, v. III. Oxford, 1975, p. 111.

³ Lettres de Madame Duchesse d'Orléans née Princesse Palatine. Paris, 1981, p. 282–284.

Великого союза, ничем не закончились. После отклонения Францией “Прелиминарий” герцог Мальборо и имперский главнокомандующий принц Евгений Савойский пришли к мнению, что Людовик XIV не намеревался заключать мир любой ценой, а включить в договор требование о том, чтобы французский король начал военные действия против своего внука Филиппа V Бурбона, короля Испании, было ошибкой. Война была возобновлена. Тем не менее, Мальборо заметил Великому Пенсинарию Соединенных Провинций Антонию Ван Хейнсиусу: “Признаться, если бы я был на месте короля Франции, я скорее пожертвовал бы ресурсами своей страны, чтобы собрать войска, усилить их боевой дух и форсировать гарнизоны противника”⁴.

Принц Евгений, как видно из его писем, не сомневался, что продолжение войны может ухудшить положение Великого союза. Имперский полководец был более пессимистичен относительно будущего, даже если Версаль примет предложенные ему условия мира. Он полагал, что Франция “определенно может восстановиться в течение нескольких лет, и опять беспокоить своих соседей”⁵.

В начале лета 1709 г. в лагере под Турнэ во Фландрии герцог Мальборо начал собирать войска союзников. 12 июня 1709 г. он написал лорду-канцлеру Сиднею Годолфину: “Я вынужден затягивать войну и выполнять свои обязанности так же, как и раньше”⁶. В этот же день во Франции было прочитано знаменитое обращение монарха к народу: “Надежда на скорый мир была повсеместна в моем королевстве... но чем больше я выказывал сговорчивости и желания рассеять подозрения у моих врагов... тем больше они предъявляли требований. <...> Хотя я разделяю все то горе, которое война принесла моим подданным, проявившим такую верность, и хотя я показал всей Европе, что я искренне желал бы дать мир моим подданным, я убежден, что они сами бы воспротивились получить мир на тех условиях, которые в равной мере противоречат справедливости и чести французской нации”⁷. Обращение Людовика XIV к народу было составлено в департаменте иностранных дел под руководством маркиза де Торси.

Франция мобилизовала свои силы и выставила еще более внушительную армию, чем в предыдущие годы. Ее генералы воспрянули духом. После критических для королевства кампаний 1706 и 1708 гг. неудачливых командующих Вильруа, Фейяда и Марсена заменили на более способных военачальников. Результаты не замедлили сказаться. Маркиз де Сюрвиль, находясь в осажденном превосходящими силами противника Турне с конца июня, удерживал эту крепость в течение 57 дней. 7 августа и 2 сентября герцог де Ноай одержал несколько побед в Каталонии. 26 августа графу дю Буржу улыбнулась военная удача при Румерштейне, в результате чего был спасен Верхний Эльзас. Через два дня генерал Дийон овладел Бриансоном⁸.

Военные победы Франции заставляли Мальборо плохо спать по ночам и рождали неуверенность в успехе кампании. Поведение некоторых союзников после потрясающей удачи Петра I под Полтавой тоже внушало ему беспокойство. “У меня, – писал он Годолфину, – есть все причины опасаться, что договор, заключенный недавно тремя королями (он имел в виду прусского короля Фридриха I, польского короля Августа II и русского царя. – Л.И.) в Берлине о совместных операциях против Швеции, будет иметь большие последствия. Мы можем лишиться войск из Пруссии, Брауншвейга и Гольштейна, а это 60 000 солдат. Я уже не говорю, какие выгоды от этого получит Франция, но уверен, что надо сделать все, чтобы предотвратить потерю этих полков. Пенсинарий со мной согласен, и мы вместе обязываем этих правителей не отзываться своих солдат”⁹.

⁴ The Correspondence 1701–1711 of John Churchill 1st Duke of Marlborough and Anthonie Heinsius Grand Pensionary of Holland. The Hague, 1951, p. 445.

⁵ Militärische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen, Bd. 2. Wien, 1848, p. 210–217.

⁶ Цит. по: Metzdorf J. Politik-Propaganda-Patronage. Francis Hare und die Englische Publizistik im Spanischen Erbfolgekrieg. Mainz, 2000, p. 142–144.

⁷ Klaitz J. Printed propaganda under Louis XIV. Absolute Monarchy and Public Opinion. Princeton (N.J.), 1976, p. 209.

⁸ Braubach M. Prinz Eugen von Savoyen, Bd. 2. Wien, 1963, p. 306–309.

⁹ The Marlborough-Godolphin Correspondence, v. III, p. 119; Jones J.R. Marlborough. Cambridge, 1993, p. 105.

Беспокоило и то, что его главным противником будет герцог Клод Луи Гектор Виллар, которого он ценил больше всех французских военачальников. В начале кампании 1709 г. Виллар был назначен главнокомандующим Северной французской армией. Его девиз "Гибнут только в обороне" был известен всем в Европе. 4 октября 1702 г. Виллар перешел Рейн и разбил маркграфа Людвига Вильгельма Баденского при Фридрингене, а в следующем году вместе с курфюрстом Баварским Максом Эммануэлем снова нанес поражение тому же противнику при Хохштедте. Когда французы были побеждены при Рамильи и Турине, Виллар восстановил честь их оружия, оттеснив имперские войска за Рейн. А в 1707 г. с 4 тыс. солдат он внезапным ударом овладел Штольгофенскими укрепленными линиями, которые считались неприступными и защищались 30-тысячной армией Великого союза.

Как никто во французской армии, Виллар умел устанавливать личный контакт со своими войсками. Он часто ел и пил вместе с солдатами, а в опасных ситуациях личным примером укреплял их моральный дух. "Солдат, постоянно пребывая в жестокости мира, нуждается в добром слове, и от этого слова зависит его добрая воля", — утверждал в мемуарах французский полководец. Некоронованная королева Франции мадам де Ментенон говорила про него: "Наконец, у нас есть генерал, который верит в солдата, верит во Францию и в себя самого"¹⁰.

Английский и имперский полководцы хорошо подготовились к встрече с Вилларом. Герцогу Мальборо удалось собрать всех союзников. Согласно "Реляции о Таньерской кампании", изданной в Гааге в 1710 г., армии союзников на 23 июня 1709 г. имели 170 батальонов и 271 эскадрон (66 батальонов и 108 эскадронов у Евгения Савойского, 104 батальона и 163 эскадрона у Мальборо)¹¹.

Когда в начале сентября войска герцога Мальборо двинулись к крепости Монс, Виллар поспешил атаковать их, поначалу решив, что Евгений Савойский не успеет прийти своему коллеге на помощь. Но затем он не стал рисковать большой армией своего короля, ибо в случае поражения на карту была бы поставлена судьба Франции. Он занял выгодную позицию у деревни Мальплаке севернее Монса на высотах между двумя лесами и стал спешно укреплять ее, пока союзники собирали войска для решительного сражения.

Правое крыло французской армии упиралось в Ланьерский лес, а левое примыкало к Теньерскому лесу. Между лесами лежало поле с пологим спуском к деревеньке Онуа, впереди которой французы устроили линию окопов, а поставленные там батареи могли обстреливать перекрестным огнем все находившееся впереди пространство. В тылу лежали опорные пункты — деревни Мальплаке и Тенье. Правым крылом французов командовал генерал д'Артаньян, занявший сильными отрядами Ланьерский лес и укрепившийся на равнине. Левое крыло генерала Лагеля стояло впереди Тенье. Центром командовал Виллар. Общий резерв составляла конница, часть которой находилась за левым флангом.

Войска союзников примыкали левым крылом к Ланьерскому лесу, а правым — к селу Сар. Конница располагалась за пехотой. Евгений Савойский командовал правым крылом, а герцог Мальборо — левым крылом и центром. Шефом одного из кавалерийских полков был наследный принц Фридрих Вильгельм Прусский, волонтер в армии английского полководца. План, разработанный Мальборо и Евгением, заключался в том, чтобы, угрожая правому крылу и центру французов, овладеть их левым флангом, который должен был атаковать принц Савойский¹².

¹⁰ Villars C.L.H. *Memoirs du marechal de Villars*, v. 3. Paris, 1888, p. 38; Lynn J.A. *Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715*. Cambridge, 1997, p. 445; *Егоршин В.А. Генералиссимусы*. М., 1994, с. 125.

¹¹ *Relation de la campagne de Tannieres, contenant un journal exact et fidel de ce qui s'est passe au siege de la ville et citadelle de Tournai, a la bataille de Blangis ou Malplaquet, et au siege de Mons, avec quelques autres particularites et les plans en l'an 1709*. La Haye, 1710, p. 30.

¹² *English Historical Documents*, v. VII. London, 1953, p. 822–825; McKay D. *Prince Eugene of Savoy*. London, 1977, p. 106–107.

Силы герцога и принца Евгения значительно превосходили противника, что во многом предрешило исход битвы. Накануне решительного столкновения согласно наиболее достоверным источникам союзные войска состояли из 128 батальонов и 253 эскадронов (соответственно 49 и 108 из армии Евгения Савойского, 79 и 145 из армии Мальборо), а также имели более 100 орудий. Французская армия имела в своем составе 120 батальонов, 250 эскадронов и 80 орудий. Союзники располагали численным перевесом в 110 тыс. человек против 95 тыс. французских солдат по оценке г. Дельбрюка (по оценкам немецких историков — 90 тыс. против 81 тыс., у Ф. Блюша — 110 тыс. союзников против 70 тыс. французов)¹³.

Сражение, ставшее одним из самых кровопролитных в XVIII в., произошло 11 сентября 1709 г. Накануне, согласно воспоминаниям одного из его участников капитана Блекадера, "случилась исключительная вещь: наши и французские офицеры ходили между лагерями и общались, как друзья... Но вскоре это было нарушено генералами с обеих сторон"¹⁴. Вполне в духе "куртуазных" войн века Просвещения. Под Полтавой такой "куртуазности" не было.

В три часа утра, под прикрытием густого тумана, союзники заняли назначенные места. В половине восьмого утра туман рассеялся, и обе стороны начали палить из пушек. После этого союзная армия начала движение тремя колоннами: первая наступала на правое крыло противника, вторая — против центра, третья — к Сарскому лесу. При этом 15 батальонов пехоты следовали в резерве.

Евгений Савойский пытался охватить в это время левый фланг противника. Французы успешно отбили три атаки третьей колонны. В это время первая колонна начала атаку в центре. Несмотря на сильный огонь французских пушек, союзники овладели бруствером, но эта атака была отбита противником. Солдаты первой колонны вновь пошли на приступ, завладели валом и водрузили на нем имперский штандарт. Французы сильной контратакой отбросили нападавших, и только кавалерия помешала перейти им в общее наступление. Как видно, союзники предпринимали атаку за атакой, пускали в бой и пехоту и конницу, однако все эти усилия были отражены французскими солдатами, которые вели меткий ружейный огонь из своих окопов. В результате этих действий одна треть армии Великого союза была уничтожена. Принц Евгений был дважды ранен, но наотрез отказался покинуть поле боя.

Чтобы пехота могла продолжать обходить левое крыло противника, имперскому полководцу пришлось выдвинуть 40-орудийную батарею, прикрыв ее конницей. Французы начали отступать к внутренней опушке леса. Заметив это, Виллар направил в Теньерский лес резерв из 30 батальонов, которые смогли отогнать союзников. Однако в этот момент боя французского генерала подкосила пуля на передней линии: он был серьезно ранен в ногу, но продолжал руководить боем, пока его почти насильно не эвакуировали. Это отрицательно сказалось на настроении французских войск. Тем временем принц Савойский врезался в центр французов, который был ослаблен тем, что отсюда были взяты силы в резерв французской армии, и овладел опушкой Теньерского леса с тыла.

Пока происходил бой у Теньерского леса, Мальборо начал атаку правого крыла французов, двинув туда 15 батальонов и конницу из голландских, английских, прусских и имперских эскадронов. Они овладели укреплениями противника в центре, а выведенные вперед пушки заставили отступить французскую кавалерию.

Воины Виллара сражались отчаянно: в битву вовремя была брошена вся военная элита, старые полки, швейцарская гвардия... Французы вновь поднялись в атаку и восстановили оборонительную линию. Но через полчаса прозвучал сигнал трубача: "Общее отступление!" Несмотря на все усилия, создалась угроза коммуникациям армии Короля-Солнце со стороны союзников. Это вынудило французскую армию на

¹³ Дельбрюк Г. *История военного искусства*. Смоленск, 2003, с. 526–529; Блюш Ф. *Людовик XIV*. М., 1998, с. 641; Braubach M. *Prinz Eugen von Savoyen*, bd. 2, p. 306–309.

¹⁴ *English Historical Documents*, v. VII, p. 832–833.

исходе дня оставить позицию и отступить к Валансьенну. Маршал Буффлер, заменивший раненого Виллара, отвел полки с поля боя в полном порядке.

Боевой дух армии союзников был подорван: когда 12 сентября в четырех лье от Мальплаке армия французов снова приготовилась к сражению, Мальборо и Евгений не осмелились их атаковать¹⁵.

Сражение при Мальплаке было типичным для периода господства линейной тактики. Виллар основывался на удержании тактически выгодной для обороны позиции. В соответствии с принципами кордонной стратегии он оставил сильную позицию, как только возникла угроза сообщения с тылом. Особенностью этого сражения стало использование французами инженерных сооружений для прикрытия линейного порядка в бою и применение большого количества артиллерии с обеих сторон.

Мальборо и Евгений со своим численно превосходящим войском выиграли битву у солдат Виллара почти точно так же, как чуть больше столетия спустя Наполеон одержит победу над Кутузовым под Бородино. Французской армии пришлось отступить, что в октябре привело к падению Монса. Увидев на следующий день поле битвы, капитан Блекадер поразился: «за всю жизнь я не видел столько мертвых тел. Я не смог пройти сквозь них... и был удивлен, насколько сильно был укреплен лагерь французов. Это была дорогая победа...»¹⁶. Союзники ушли с поля боя после французов, но стали номинальными победителями.

Сразу после битвы Мальборо написал жене: «Я настолько устал, что у меня нет сил подробно рассказать тебе о сегодняшней кровавой баталии... Бог нам благоприятствовал. И сейчас в нашей власти сделать мир таким, каким мы хотим, и я почти уверен, что больше сражений не понадобится. Но ничего в этом мире не может сделать меня счастливым, кроме твоей любви»¹⁷. Тем не менее, победные репортажи в Лондон, европейские дворы и газеты он написал в ночь после Мальплаке.

День спустя эйфория английского полководца немного поубавилась. Лорду Тауншенду он заметил: «Полагаю, обе стороны потеряли сейчас больше убитых, чем во всех сражениях этой войны». По итогам этой «пирровой» победы союзники потеряли 25 000, французы – 15 000. Согласно другим данным, французы лишились 12 тыс. человек, тогда как союзники не менее 30 тыс. человек убитыми и ранеными. Считается, что у Мальплаке пал каждый четвертый в армии союзников и каждый шестой во французской армии¹⁸.

«Если Господь нам окажет милость проиграть еще одну такую битву, Ваше Величество может считать, что враги Вашего Величества уничтожены», – сказал в Версале Виллар Людовику XIV. Француз был во многом справедлив. Своеобразным эхом его слов стало замечание Г. Сент-Джона, будущего виконта Болингброка: «Положение нашего государства немногим лучше, чем у противника. Мир в интересах всех». Мальборо, сам пораженный количеством жертв, которые он принес на алтарь войны, напротив, предпочел говорить о «решающем ударе», о том, что «Англия может иметь мир, какой пожелает», что «Мальплаке уничтожил французский дух, и теперь можно уничтожить саму Францию»¹⁹. Он уже явно видел последствия этой битвы и желал оправдаться.

Были ли союзники действительно победителями? Ф. Бродель в знаменитом труде «Что такое Франция?» отметил, что «битва при Мальплаке (11 сентября 1709), эта ужасная мясорубка, которая хоть и стала, очевидно, поражением для французов, но все же остановила неприятеля на северной границе, вдоль линии укреплений Вобана». А Ф. Блюш, отразивший мнение большинства французских биографов Короля-Солнца, считает, что битва при Мальплаке «ознаменовала собой (в какой-то степени) конец победоносной стратегии непобедимого до сих пор Мальборо»²⁰.

¹⁵ Sautai M. La bataille de Malplaquet. Paris, 1904, p. 55–61; McKay D. Op. cit., p. 126–127.

¹⁶ English Historical Documents, v. VII, p. 834.

¹⁷ Murray G. The Letters and Dispatches of J. Churchill, First Duke of Marlborough from 1702 to 1712, v. III. London, 1845, p. 151.

¹⁸ Sautai M. Op. cit., p. 70; Metzdorf J. Op. cit., p. 142–144.

¹⁹ Блюш Ф. Указ. соч., с. 639.

²⁰ Бродель Ф. Что такое Франция? т. 1. М., 1994, с. 313; Блюш Ф. Указ. соч., с. 644.

С тактической точки зрения это сражение закончилось победой союзной армии, со стратегической же точки зрения победителями оказались французы. «Вы сохранили честь Франции», – так подвел итоги этого сражения Людовик XIV в письме Виллару от 20 сентября²¹. Король понимал, что он восстановил у Мальплаке и свою собственную честь. Виллару при дворе и во всей Франции были оказаны невиданные доселе почести, его ногу лечил сам хирург короля, а вот Мальборо – не как полководец, а как политик – был близок к падению.

Всю следующую неделю после сражения англичанин болел, тогда как принц Савойский, казалось, выглядел так, как обычно. Полководцы-победители не критиковали друг друга за Мальплаке, но их критиковали другие. Два английских офицера – капитан Паркер и бригадир Кейн – в мемуарах отметили: «Оба наших генерала виновны в гибели множества храбрых солдат, хотя этого можно было избежать... Лично же герцог Мальборо виноват в том, что поступил опрометчиво, находясь под давлением принца Евгения. Таково общее мнение...». Хотя англичан среди погибших солдат союзников было меньше, Мальплаке укрепил английских тори в стремлении заключить мир с Францией и породил резкую критику Мальборо как «мясника» и «второго Кромвеля». Принц Евгений, напротив, был награжден императором Иосифом I конфискованным поместьем в Венгрии стоимостью 300 тыс. гульденов, во владении которым, правда, он не был заинтересован и предпочел получить сумму наличными в течение года²².

А вот ставший в недалеком будущем прусским королем Фридрих Вильгельм (1713–1740) до самой своей смерти ничем не гордился так, как своим присутствием на поле битвы при Мальплаке. В европейских газетах писали, что прусский кронпринц «во время всего сражения находился рядом с принцем Евгением и герцогом Мальборо и разделил с ними все опасности, а также все почести». Мальборо сам подтвердил это, закончив репликацию о победе утверждением, что особая заслуга в ней принадлежит прусским частям, отважно атаковавшим правый фланг французов²³.

Британские потери при Мальплаке были относительно небольшими по сравнению с потерями голландцев. Но тори опасались, что Генеральные Штаты уже больше не захотят проливать кровь на войне. Их лидер Р. Харли выдвинул ряд обвинений против герцога Мальборо: в его двойственном отношении к договору о барьере из крепостей с Соединенными Провинциями, в коррупции при назначении на офицерские посты в армии, подытожив их заявлением, что только Мальборо ответственен за провал переговоров в Гааге²⁴.

Мальплаке заставил членов Великого союза призадуматься. Пенсионарий Хейнсуис заметил английскому полководцу, что энтузиазм военной партии в Голландии стал угасать, но то же самое видели и в Лондоне. Мальборо и посол в Гааге Ч. Тауншенд намекнули Генеральным Штатам, что Лондон в случае заключения Голландией сепаратного мира с Францией не гарантирует защиту голландского барьера и не предоставит ей коммерческие выгоды. В результате 29 октября Лондон и Гаага подписали «Договор Тауншенда», который нанес тяжелый удар по влиянию Габсбургов в Нижних Нидерландах. 13 бельгийских городов становились голландскими крепостями, имевшими полную автономию от Брюсселя – центра Фландрии. Более того, еще несколько крепостей могли быть отданы голландцам в случае военной угрозы с любого направления, а 7 городов во французской Фландрии передавались голландцам в полное владение. Почти вся Бельгия стала голландской крепостью.

В ответ на почти полную капитуляцию в вопросе о барьере, англичане получили для себя большие выгоды. Лондон стремился приобрести ключевые позиции на континенте, и Соединенные Провинции обязывались гарантировать демилитаризацию

²¹ Ouvres de Louis XIV. Paris, 1806, p. 204–205.

²² Military Memoirs of Marlborough's Campaigns, 1702–1712, by Captain Robert Parker, royal Regiment of Foot of Ireland and the Comte de Merode-Westerloo, Field Marshal of the Holy Roman Empire. London, 1998, p. 89–90; McKay D. Op. cit., p. 126–127.

²³ Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004, с. 96.

²⁴ English Historical Documents, v. VII, p. 826; Metzdorf J. Op. cit., p. 142–144.

Дюнкерка и отдать Англии Остенде, получив взамен большой торговый город Дендермонде. Голландия должна была поддержать, если будет необходимо, оружием принцип протестантского престолонаследия в Англии и не изменять Великому союзу. Договор предусматривал также привилегии Англии и Голландии в Испанской Америке²⁵.

Неоднозначным исходом сентябрьской кровавой битвы не замедлила воспользоваться дипломатия Версаля. С октября 1709 г. маркиз де Торси и Хейнсиус, в котором французский министр разгадал желание идти на компромисс, обсуждали в переписке будущие границы между Голландией и Францией. Переговоры о мире между Францией и ее противниками начались в 1710 г. в Гертруденберге, но очень скоро опять зашли в тупик. Неопределенная атмосфера на континенте разрядилась смертью 17 апреля 1711 г. от скоротечной оспы императора Священной Римской империи Иосифа I. С июля 1712 г. Англия уже не вступала в военные действия с Францией, а 8 октября подписала с ней сепаратный мир²⁶.

Мальплаке восстановил уверенность Людовика XIV во французском оружии. Эта уверенность в значительной мере подогревалась и тем, что человек, действий которого он более всего опасался – герцог Мальборо, уже не имел былого влияния на Альбионе, подвергся политическим нападкам, а 1 января 1712 г. и вовсе лишен всех своих постов. Катализатором падения Мальборо стала именно битва при Мальплаке. Война за испанское наследство затянулась еще на четыре года, перейдя в стадию позиционной войны, когда, чаще всего, в духе стратегии измора производились осады небольших пограничных крепостей. 24 июля 1712 г. Виллар одержал громкую победу при Денене над Евгением Савойским, оставшимся без поддержки англичан и голландцев²⁷.

Битва при Мальплаке обозначила перелом в военном конфликте на западе Европы. Она существенно повлияла на исход войны за испанское наследство, обеспечив более благоприятный для Франции мир в Утрехте в 1713 г. и сохранив ее влиятельное положение в системе европейских государств.

²⁵ *Ingrao Ch. W.* In Quest and Crisis: Emperor Joseph I and the Habsburg Monarchy. West Lafayette, 1979, p. 203–204.

²⁶ *British Diplomatic Instructions, 1689–1789. V. II. France, 1689 – 1721.* London, 1922, p. 24; *Ouvres de Louis XIV*, p. 204–205.

²⁷ *Defense De S.A. Le Prince et Duc de Marlborough.* Amsterdam, 1712, p. 3, 6–7, 21; *Блюш Ф.* Указ. соч., с. 665; *Hatton R.* Georg I. Ein deutscher Kurfürst auf dem englischen Thron. Frankfurt a.M., 1982, p. 118–184.